

пытка С.Корнева свести постмодернизм и дзен воедино. Он в работе «Трансгрессивная революция», достаточно четко показав различия между «западным постмодернизмом» и дзен-буддизмом, попытался обозначить дзен как «восточный постмодернизм». По нашему мнению, это понятие не несет никакой эвристической нагрузки и, более того, неверно по сути, т.к. предполагает существование некоего «восточного модернизма», о котором ничего неизвестно.

Вероятно, более интересной была бы другая параллель между этими направлениями. Речь идет о том, что постмодернизм в западной культуре и обществе в целом выполняет примерно ту же функцию, что и дзен-буддизм в сознании отдельного восточного человека. Как известно, дзен тем или иным путем призван прервать поток логического, рационального сознания, благодаря чему человек получает доступ к божественной «пустоте» – нирване. Постмодернизм, деконструируя западную рациональность, разрушая западное мировоззрение и социальность, также, возможно, очищает путь для новых идей, концепций, нового мировосприятия, которые полностью преобразуют и западное общество, и индивидуума в нем. В этом случае не исключено, что восточные религии, в том числе и дзен-буддизм, придут на смену постмодернизму, будут служить основой нового западного мировоззрения.

А. А. Айвазян

«ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Категорию «гражданственность» можно определить как «перспективу» (идеал) «государства», «общества», «человека», определяемую имманентным состоянием последних в политическом времени и пространстве. При этом антитезой гражданственности можно считать традиционность, архаичность («догражданственность»), а также идеоцентричность, теоцентричность («негражданственность») трех основных элементов политической системы («государства», «общества», «человека»). Тем самым развитие (теоретическое и эмпирическое) рациональности Запада можно представить в виде трех парадигм «гражданственности», последовательно трансформирующихся из «должного» в «сущее», из перспективы в ретроспективу.

Обосновывая тезис о том, что Россия – самобытное, но общецивилизационно-западное политическое пространство, рассмотрим сходства и различия теоретических моделей «гражданственности» (конструирующихся в определенные парадигмы) у западных и, собственно, российских политических мыслителей.

Первую парадигму «гражданственности» можно назвать «государственной гражданственностью». Она отражена в конституциях Т. Гоббса и Ж-Ж. Руссо: отождествляя «гражданское общество» с «государством», она сводится к политичности. Спасением от «войны всех против всех» является «гражданское – политическое – государственное состояние» человека. Это – политическая перспектива Власти, в отличие от теоцентричного «хаоса».

В этой же парадигме конструирует свою модель российский теоретик А. Н. Радищев. Его размышления также касаются «естественных» и «гражданских» прав человека. Превратившись в гражданина, человек «поставил общую власть над властью частного и сделался гражданином» Но в субъект-объектном отношении «гражданин» (идеал «человека») у Радищева (также как у Гоббса и Руссо) – всего лишь «объект», а «субъектом» является «общество» – «государство».

Рефлексия «нового» гражданского самосознания проявляется уже у «отцов» либерализма. В частности, Дж. Локк «отделяет» «гражданское общество» от политического. В этой (второй) парадигме «гражданское состояние» человека – не государственное и детерминируется такими индикаторами, как комплекс либеральных прав и свобод, частная собственность, верховенство закона. *Это парадигма «гражданского общества» - «субъекта», который определяет «объект» - «ночного сторожа» – «надстройку».* Но такая «перспектива» Запада России чужда. Российскими политическими мыслителями конструируются самобытные проекты, учитывающие такие элементы, как «соборность», «духовность», «вольность», «бессеребренничество», иррациональность («крайность») политической культуры. В русле этих концепций возникают «антигражданственные» проекты, прорывается восточное начало России: славянофильство – народничество – анархизм – коммунизм. Это - своего рода рефлексия западного гражданского общества: «свобода» отражается в «вольности», «частная собственность» – в «общественной (или общинной) собственности», «закон» – в «православной духовности».

Очевидна и третья парадигма «гражданственности» – идеал, который стал или становится реальностью во многих политических пространствах. «Экономико-центричное сословное гражданское общество», характерное для этапа становления капиталистических отношений, превратившись в сущее, обнаружило свои «изъяны». *Конструируется новая парадигма «цивильности» (civilness - гражданственность), которая рефлексится через «человека» – личность.* Можно гипотетически представить структуру третьей парадигмы: «общество» рассматривается как сложная система – теории социальной структуры, мобильности (М. Вебер, П. Сорокин). К институциональному аспекту «государства» добавляется его социально-функциональный, национально-политический аспект (теории неолиберализма). В результате происходит своего рода «синтез» «гражданствен-

ности» «государства» и «общества» и выводится «гражданственность» «человека» – его гражданское самосознание и «гражданская культура».

Дальнейшее развитие российской политической мысли произошло скачкообразно: первая парадигма трансформировалась в третью. Российский «государственный либерализм» (Б. Чичерин, К. Кавелин, П. Новгородцев) предвосхищал новую «цивильность»: соединение либеральных прав и свобод «личности» с правовой и социоцентристской государственностью, синтез «прогрессивного» и «традиционного». И, если прогрессивные императивы «гражданственности» – достижение «общей» цивилизации, то «традиционные» императивы – самобытность каждого национально-государственного образования. Российская «гражданственность», соединяя «общецивилизационные» и «самобытные» императивы, сконструировала парадигму «личности» в начале XX века. Однако эта модель «законсервировалась» на 70 лет. Сейчас важнее восстановить ее и превратить «должное» в «сущее» - в целостности, а не отдельными «отрывками» (крайностями), как это происходит в постсоветский период.

М. В. Змеев

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О ПОВСЕДНЕВНОМ ВОСПРИЯТИИ ФЕНОМЕНА

Главной ошибкой в изучении феномена интеллигенции было бы полагание существования какой-то одной, «вечной» интеллигенции, сохраняющей свои базовые характеристики на протяжении столетий. В действительности – и история тому подтверждение – есть лишь определенный смысловой концепт, именуемый словом «интеллигенция», который в то или иное время наполняется различным (неоднозначным) содержанием.

Знания об определенном феномене или явлении мы первым делом фиксируем языковым определением его. Определение же предмета – это выделение тех типичных его черт, которые, по крайней мере, на определенном этапе воспринимаются нами в качестве несомненных и очевидных. Причем, объективируя знания о предмете или явлении, мы делаем их значимыми как для себя, так и для других. В повседневном общении мы идентифицируем людей и их действия в соответствии с их социальным статусом, субкультурой, групповой принадлежностью, относительно которой в нашем сознании существуют представления о типизированных чертах, структурированных в некий *образ* этой группы. Именно учет этого образа координирует оценки и самооценки того или иного исторического феномена. Кроме того, образ так же подвержен эволюционным изменениям, как и само общество.